

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В XXI В.

УДК 931
ББК 63.3(0)

И.Б. Губанов

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПРАРОДИНЫ И МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Рассматривается проблема прародины индоевропейцев. На основании генографических, лингвистических и археологических данных автор считает наиболее вероятной гипотезу о степной прародине индоевропейцев.

Ключевые слова:

активные языки, бронзовый век, гаплогруппы R1a и R1b, индоевропейская прародина, индоевропейцы, неолит, энеолит, эргативные языки.

Современные данные в области генографии, археологии и лингвистики позволяют с высокой степенью вероятности: 1) локализовать прародину индоевропейцев; 2) реконструировать социальную структуру, тип жилища и хозяйственный тип индоевропейского народа; 3) определить время и направления потоков западных и восточных индоевропейцев.

Проведенные недавно генографические исследования показывают, что мутация в мужской Y-хромосоме, приведшая к возникновению гаплогруппы R1a (M17), произошла несколько тысячелетий назад в южнорусских степях. Спенсер Уэллс с соавторами полагают, что гаплогруппа R1a маркирует формирование индоевропейцев в восточноевропейских степях [10]. В этом регионе частота встречаемости гаплогруппы R1a наиболее велика, что указывает на регион происхождения мутации, аналогично тому, как митохондриальная ДНК явно указывает на происхождение Homo Sapiens из Восточной Африки. Наиболее подходящие кандидаты на отождествление с индоевропейским народом периода единства – носители неолитических и энеолитических культур Средней Волги и Причерноморья V–IV тыс. до н.э. [1, с. 387–403].

Новейшие исследования в рамках международного проекта «Генография» позво-

ляют идентифицировать носителей гаплогруппы R1a преимущественно с предками индо-иранских народов, восточных славян и балтов (рис. 1).

В индоевропейских языках сохранились общие термины для обозначения родственного свойства и скота. Это свидетельствует о том, что индоевропейцы были скотоводами, жившими патрилокальными расширенными семьями.

В патрилокальных расширенных семьях сыновья со своими женами живут под одним кровом со своим отцом (традиция сохранилась в средневековой Исландии, на Балканах в XIX в. и проч.). Эту ситуацию отражает общность лексики родственного свойства в индоевропейских языках: «отец мужа» – рус. *свёкор*, д.-в.-н. *svehur*, лат. *socrus*, санскр. *svácuḡa*; «брат жены» – рус. *деверь*, санскр. *devar*; «жена брата мужа» – слав. *ятрѡвь*, санскр. мн.ч. *yataras*. Следствием этой социальной практики у индоевропейцев стало то, что, как отметил Отто Шрадер, «...индо-европейские обозначения для «свойства» (привенчанной родни) получили исключительно одностороннее развитие, охватив собою только родню мужа» [7, с. 137]. Реконструируется древний индоевропейский термин для обозначения всемогущего патриарха – главы патрилокальной расширенной семьи, владыки дома и отца женатых сыновей. Он

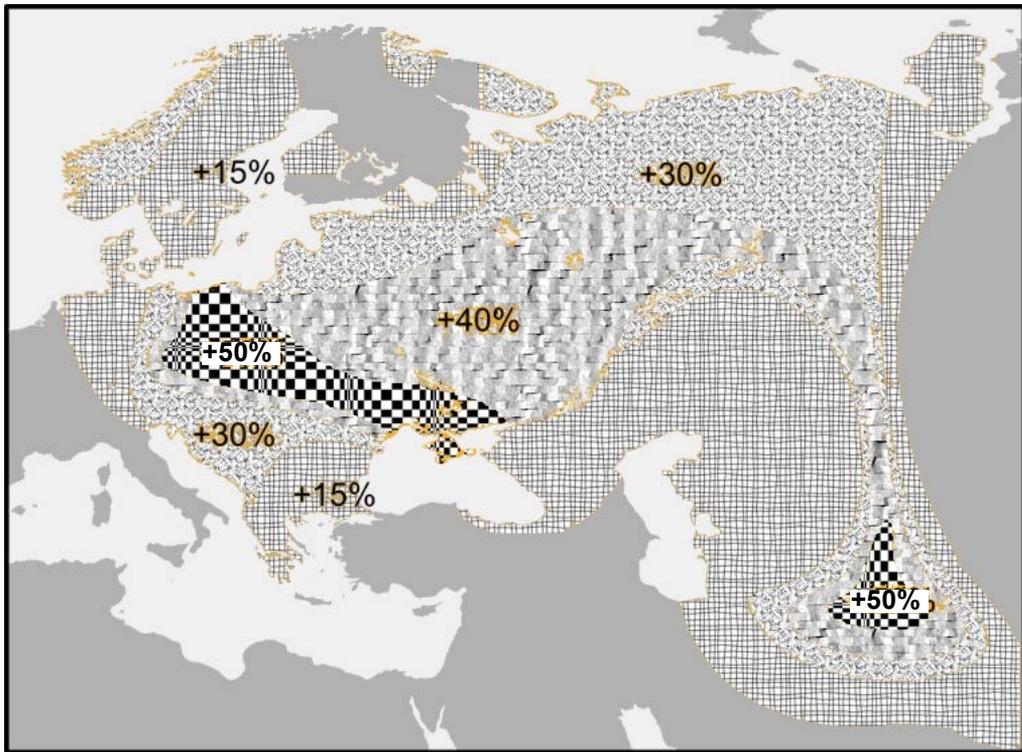

Рис. 1. Карта распределения гаплогруппы R1a [9].

именовался *rotis, и отеческая власть его, вероятно, была безгранична. Женщины в патриархальных агнатических кланах индоевропейцев были, судя по всему, фактически бесправны. Мужчины-воины, вероятно, значительную часть времени предавались пирам, на которых за медовой чашей слался героический эпос, а женской долей была тяжелая домашняя работа – с переходом к земледелию именно женщины преимущественно работали в поле и на ручных зернотерках. Нередко, видимо, жены сыновей подвергались сексуальному насилию патриарха-отца, который считал их полной своей собственностью. Возможно, по смерти мужа жена была обязана взойти на его погребальный костер, дабы служить своему господину в ином мире (этот обычай – *sati* – сохранялся у высших каст Индии до недавнего времени).

Отношения между патрилокальными расширенными семьями регулировались правом и долгом кровной мести, кровную вражду можно было замирить выплатой возмещения – виры («платы за мужа»), – которое первоначально выплачивалось, вероятно, скотом. Народное собрание, на котором вели тяжбу род убитого и род убийцы, тоже, вероятно, существовало из-

древле (впоследствии мы видим его в этой функции у древних греков, италиков, германцев, кельтов, славян и т.д.).

Обозначение скота, в отличие от земледельческой терминологии, также общее в индоевропейских языках: др.-исл. *fé* («движимое имущество»), гот. *faihu* («деньги»), лат. *pecus*, санскр. *расу*.

По археологическим материалам реконструируется жилище патрилокальной расширенной семьи – полуземлянка каркасно-столбовой конструкции с покатой крышей и центральным округлым очагом [7, с. 62–68; 4, с. 67–105]. Судя по общему названию и данным эпических традиций, опьяняющим напитком индоевропейцев был мёд [7, с. 70–77].

Попытки связать миграционные потоки индоевропейцев с некими этническими общностями делались неоднократно. Недавно Винфред Леман, основываясь на реликтах, по его мнению, состояния активного строя в индоевропейских языках (ирландском, итальянских и германских), предположил, что первую волну миграции из южнорусских степей конца V тыс. до н.э. можно связать с кельтами, вторую (середина IV тыс. до н.э.) – с италиками, а

176 третью (первая половина III тыс. до н.э.) – с германцами [8, с. 222–246]. К сожалению, эта гипотеза не учитывает прослеживаемого по лингвистическим данным распада индоевропейского языка на группы западных и восточных диалектов. Попытаемся восполнить этот пробел и связать лингвистические данные с данными археологии.

Некоторые специалисты реконструируют протоиндоевропейский как язык активного строя. В частности, Георгий Климов, ссылаясь на мнения филологов, склонявшихся в пользу отнесения протоиндоевропейского к языкам активного строя, пишет, что «не только такие важные черты, как лексические оппозиции субстантивов активного («одушевленного») и инактивного («неодушевленного») классов и глаголов действия и состояния, но и большая совокупность структурных характеристик других уровней древнейшего протоиндоевропейского состояния, должны скорее свидетельствовать о его активной, а не эргативной типологии» [2, с. 25].

Впрочем, различные ряды окончаний глаголов действия и глаголов состояния налицо и в языках эргативного строя (например, в некоторых кавказских языках). Поэтому, возможно, следует более уверенно говорить об эргативном характере праиндоевропейского языка, без необходимости причисления его к языкам активного строя. А.Н. Савченко реконструировал постфиксы активных глаголов в протоиндоевропейском как соответствующие так называемым «вторичным» окончаниям в санскрите, а постфиксы пассивных глаголов состояния в протоиндоевропейском на базе хеттского медиа [6, с. 301–306,

с. 362–363]. Как писал ученый, «...есть основания думать, что древнейшие окончания индоевропейского глагола выражали не только лицо, но и действие-состояние, вследствие чего они составляли две парадигмы... <> при образовании глагольных парадигм категория действия обозначалась показателями *-m, *-so/s, *-to/t, *-nto/nt. Категория состояния имела показатели *-ha, *-tha, *-e, *-r... <> Реконструируемые таким образом древнейшие системы имени и глагола соответствуют одна другой. Разделению имен на активный и пассивный классы соответствуют категории действия и состояния в глаголе» [6, с. 362–363].

Было бы соблазнительно сравнить изменение глаголов активного и инактивного ряда по лицам в праиндоевропейском и, например, в южноамериканских языках семьи типичу-гуарани или североамериканских семьи сиу-дакота (хотя последние, вероятно, относятся к языкам активного строя, что не доказано для праиндоевропейского, который, возможно, был языком эргативным) [2, с. 133–134]. Постфиксы индоевропейских глаголов активного и инактивного рядов и префиксы в языках американских индейцев, не исключено, несли близкий смысл (табл.1).

Между тем древнейшие морфологические различия в индоевропейской языковой области показаны в работе Вальтера Порцига, появившейся до разработки типологии языков активного строя [5, с. 127–132, с. 138–140]. В западных и восточных языках сохранились различные реликты, по крайней мере, эргативного строя.

В хеттском языке, тохарском, италийских и ирландском медийные окончания с г следует рассматривать как реликт пос-

Таблица 1

Постфиксы индоевропейских глаголов активного и инактивного рядов и префиксы в языках американских индейцев

	Гуарани		Дакота		Праиндоевропейский	
	Активн. ряд	Инактивн. ряд	Активн. ряд	Инактивн. ряд	Активн. ряд	Инактивн. ряд
1 л., ед. ч.	a-	xe-	wa-	ma-, m(i)-	*-m	*-ha
2 л., ед. ч.	ge-	nde-	ya-	n(i)-	*-so/s	*-tha
3 л., ед. ч.	o-	i-	0	0	*-to/t	*-e
3 л., мн. ч.	o-	i-	0	0	*-nto/nt	*-r

Таблица 2

Медийные окончания в хеттском, тохарском, италийских и ирландском языках

	Хеттский	Тохарский	Латинский	Оскско-умбрские	Ирландский
3 л., ед. ч.	-tari	-tar (<-tr)	-tur	-ter (<-tr)	-thar (<-tro)
3 л., мн.ч.	-ntari	-ntar (<-ntr)	-ntur	-nter(<-ntr)	-tar(<-ntro)

тфиксов пассивных глаголов состояния протоиндоевропейского, соединенных с постфиксом активного ряда и приобретенных значение среднего залога (табл. 2).

В санскрите и греческом эти реликты не прослеживаются, однако сохранились разные основы у глаголов действия и состояния, что тоже следует рассматривать в качестве реликта протоиндоевропейского как языка, по крайней мере, эргативного строя.

Вальтер Порциг обратил внимание на архаический характер сохранившегося в восточных индоевропейских языках обозначения дуративного действия посредством специальных глаголов состояния – этого рудимента древнего, возможно, эргативного состояния праиндоевропейского языка: «4. Обозначение дуративного действия (глаголы состояния)... <> В арийском и греческом также имеется корень *sed-, но только в значении «сесть». В значении же «сидеть» употребляется совсем другое слово: др.-инд. *āste*, греч. *ἵσται* «он сидит»... <> Несомненно, арийско-греческий способ выражения противоположности длительного действия однократному при помощи разных слов является более архаичным, чем употребление разных основ одного глагола... <> Перфективное значение имеет также корень *ueid-, «увидеть», который в армянском и греческом языках встречается только в аористе: др.-инд. *vindāti* «он находит», арм. *egit* «он нашел», греч. *ιδεῖν* «увидеть». В значении дуратива «озерцать» в др.-инд. выступает *raś-*, в греч. – *ὄραν*... <> Большой интерес представляют слова, имеющие значение «лежать» и «лечь». Корень *leǵh- встречается у Гомера только в аористе и в футуруме: *ἐλέξατο*, *ἐλέχτο* «он лег спать»... <> особым словом понятие «лежать» обозначается в греческом (*χεῖται*), арийском (др.-инд. *śete*, авест. *saçtç*) и хеттском (*kitta*). Отсюда видно, что особое строение основы дуративного глагола связано не обязательно с противопоставлением двух основ одного глагола, а непосредственно с понятием «состояния» [5, с. 138–140].

Таким образом, древнейший распад индоевропейского на западную и восточную общности прослеживается по реликтам, вероятно, эргативного состояния достаточно ясно. Понятно, что западная и восточная общность должны были какое-то время локализоваться в различных регионах. Что говорит по этому поводу археология?

По археологическим данным в середине IV тыс. до н.э. в северокавказских сте-

пях фиксируется майкопская культура с богатыми курганами знати, снабженными каменными конструкциями и каменными погребальными камерами. Отсюда, по Марии Гимбутас, происходила так называемая вторая волна миграции степняков-индоевропейцев в Западную Европу [1, с. 403–435]. Мария Гимбутас в своем обширном обзоре археологических культур Европы неолита, энеолита и раннего бронзового века, характеризует майкопскую культуру следующим образом: «Отличительная черта северопонтийской культуры – городища и сотни курганных захоронений с каменными или деревянными «домиками мертвых». Царские гробницы выполнены в общем монументальном стиле: могильный холм окружен ортостатами и стелами, затем каменным кольцом; под холмом и внутри него расположена облицованная камнем или деревом могильная яма («домик мертвых»), сверху закрытая каменными плитами, над которыми выстроен каменный купол. Захоронения знатных мужчин снабжены моделями повозок и кинжалами из твердого металла. К числу архитектурных нововведений следует отнести большие апсидные дома, которые возводили только на вершинах холмов... <>

Среди наскальных рисунков в Каменной Могиле неподалеку от Мелитополя (север Приазовья) есть силуэтные изображения людей, коней, впряженных в телегу волов... <> Большие быки, тянущие за собой плуг, также фигурируют на настенных изображениях каменной цисты в Цюшене (Центральная Германия) и на скалах Валкамоники (Северная Италия)... <> Это очевидные свидетельства существования плужного земледелия и использования быков как для перевозок, так и для пахоты. После 3500 г. до н.э. парные упряжи быков, вместе с большим количеством других элементов курганной культуры, начинают встречаться в Центральной Европе в мужских могилах баденской культуры и культуры шаровидных амфор... <>

Для керамики Михайловки I характерны шаровидные амфоры с закругленными или плоскими основаниями и цилиндрическими горлышками, украшенные шнуrowыми оттисками; встречаются также полукруглые супницы. Среди орнаментов есть гребенчатый, накольчатый, ямочный, с «бусинами» вокруг края, горловины и плечиков; жаровни на четырех ножках украшали солярные мотивы... <> Обычные горшки были грубой лепки и не имели

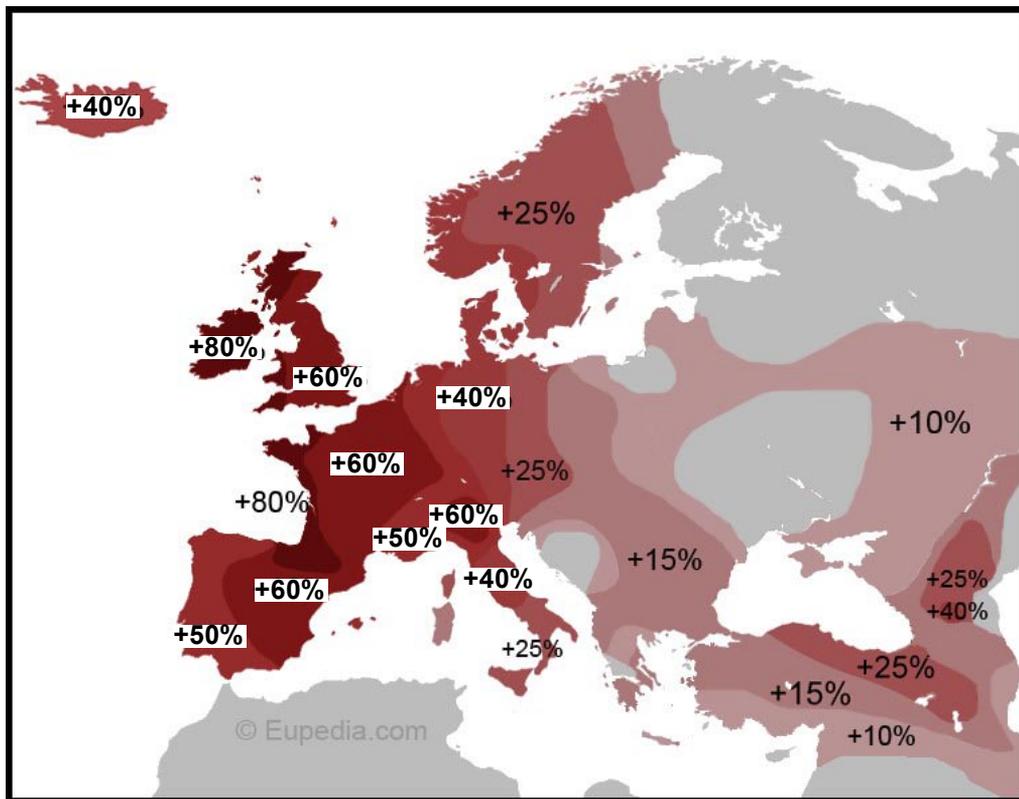

Рис. 2. Карта распространения гаплогруппы R1b [9].

украшений, зато для высококачественной керамики характерны примесь толченных раковин или известняка и песка, коричневый или черноватый цвет и узорное или гладкое лощение. Такая керамика встречается в понтийских курганах, которые сосредоточены к югу от реки Кубань на Западном Кавказе, где археологи насчитали около 1500 построек – «домиков» из каменных плит. Эти в значительной степени единообразные погребения есть и в Крыму, на Нижнем Доне, Нижнем Днепре, Ингуле и в Ингулецких долинах. Везде каменные цисты окружены ортостатами, а по внешней стороне – каменным кольцом. На стенах цист бывают вырезаны изображения мужчин и мужских особей животных или красной охрой нарисованы узоры из зигзагов, крестов и солярных мотивов.

Царские захоронения и сокровищницы позднемайкопских поселений в бассейне реки Кубань (Северо-Западный Кавказ) говорят о баснословном богатстве племенных вождей и об их контактах с Месопотамией, восходящих к началу III тыс. до н.э... <> Майкопский курган, как и аналогичные ему курганы Северного Кавказа и

Южного Каспия, говорят о военных кампаниях и набегах на земли, лежащие к югу от Кавказских гор и Каспийского моря» [1, с. 403–409].

В индоевропейских языках есть общее обозначение только одного металла – меди. Отто Шрадер отмечал: «Ссылке на неолитическую давность отнюдь не противоречит факт, что индо-европейскому пранароду был уже известен, по крайней мере, один металл – медь, о чем свидетельствует параллель: нем. “ehern” (медный), готское “aiz” [руда], лат. “aes” и древне-индийское “ayas”. Ибо праисториками найдено доказательство, что именно медь была уже известна в конце неолитической эпохи, и что из меди изготовляли тогда отливкой топоры (ср. греч. “πέλεκυς”, древнеинд. “paḡasī”), кинжалы (лат. “ensis” = др.-инд. “asī”, меч), шила (нем. “Ahle”, древне-верхне-немецкое “âla”, древне-индийское “âṭa”). Поэтому правильнее было бы назвать эпоху первобытного индо-европеизма «бронзово-каменным периодом». Существование камня и бронзы и есть тот общий переходный пункт, который может служить лингвистам и праисторикам точ-

кой отправления для истолкования всего дальнейшего культурно-исторического развития нашей части света» [7, с. 38]. Следовательно, следует датировать распад индоевропейцев на западную и восточную ветви временем энеолита – меднокаменного века, что хорошо соответствует реалиям до появления Майкопской культуры – в ней впервые появляются мышьяковистые бронзы [1, с. 403].

Карта наибольшей частоты встречаемости гаплогруппы R1b (преимущественно вариантов R1b1b1 и R1b1b2), столь распространенной среди западноевропейцев, показывает «островной» массив ее концентрации в кавказско-понтийском регионе, что делает кандидатуру носителей Майкопской культуры на роль предков западноевропейцев чрезвычайно вероятной (рис. 2).

Общность земледельческой лексики в западных индоевропейских языках, а также обозначение дяди-деда по матери в них, следует, по Отто Шрадеру, связать с земледельческим матрилокальным субстратом доиндоевропейской Европы [7, с. 45–46, 143–145]. Это дополнительные аргументы в пользу концепции Марии

Гимбутас, постулировавшей завоевание земледельческого неолитического общества древней Европы, основной социальной ячейкой которого была, по-видимому, матрилокальная семья, индоевропейскими скотоводами из восточноевропейских степей, живших патрилокальными расширенными семьями.

Вышесказанное склоняет к тому, чтобы признать носителей Майкопской культуры и второй волны миграции, народами, внесшими основной вклад в формирование *западноевропейской ветви* индоевропейцев.

Восточную ветвь индоевропейцев в лице иранских и протоиндийских ариев Елена Кузьмина весьма аргументировано отождествляет с носителями абашевской культурной общности на Южном Урале и в степях Казахстана [4]. В ее последней работе прослеживается миграционный поток на юг, через Среднюю Азию, сначала индоариев в лице носителей фёдоровской культуры из казахских степей в середине II тыс. до н.э., а затем, вслед за ними – ираноязычных ариев, носителей срубной культуры [3]. Таким образом, подтверждаются выводы Томаса Барроу, сделанные преимущественно на языковом материале.

Список литературы:

1. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 572 с.
2. Климов Г.А. Типология языков активного строя / Отв. ред. Г.В. Колшанский. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
3. Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг / Рос. ин-т культурологии. – М.: Летний сад, 2008. – 558 с.: ил.
4. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен адроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» ВИНТИ РАН, 1994. – 464 с.
5. Порциг В. Членение индоевропейской языковой области: Пер. с нем. / Под ред. и с предисл. А.В. Десяницкой / Изд. 2-е, испр. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 332 с.
6. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков / Уч. пос. для филол. фак. ун-тов. Изд. 2-е, стер. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 410 с.
7. Шрадер О. Индоевропейцы: Пер. с нем. / Под ред. и со вступ. ст. А.А. Погодина. Изд. 3-е. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 216 с.
8. Lehmann W.P. Frozen Residues and Relative Dating // Indo-European Studies. – 1996.
9. Origins, age, spread and ethnic association of European haplogroups and subclades. – Интернет-ресурс. режим доступа: http://www.eupedia.com/europe/origins_haplogroups_europe.shtml
10. Wells R. S. et al. The Eurasian Heartland: A continental perspective on Y-chromosome diversity // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2001, 98 (18): doc:10.1073/pnas.171305098. – P. 10244–10249.